

Ибрагим Рахимов

Сборник
рассказов
«НЕВИДИМЫЙ
ФРОНТ»

Ибрагим Рахимов

Сборник рассказов

«НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72652831

SelfPub; 2025

Аннотация

Говорят, что величие страны определяют её звёзды эстрады, спорта и медиа. Это ложь. Его определяют те, кого мы не видим. Те, кто каждую ночь спасает жизни в реанимобиле, кто в лютый мороз поддерживает тепло в наших домах, кто учит наших детей не по учебникам, а по совести, кто охраняет порядок в глухих деревнях и защищает рубежи Родины.

Это не просто рассказы. Это попытка достучаться. Напоминание о том, что истинная сила – не в громких словах, а в молчаливом подвиге.

Для кого эта книга: Для всех, кто хочет понять настоящую Россию. Для тех, кто еще не научился чувствовать боль другого и верить в справедливость.

Ибрагим Рахимов

Сборник рассказов

«НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ»

Сборник рассказов
«НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ»

Есть видимая Россия – гламурная, медийная, «успешная». И есть другая – невидимая, состоящая из людей, чьи руки, ум и совесть держат на себе первую. Сборник – это коллективный портрет этой «второй», настоящей России.

Цель: Не просто жаловаться, а показать достоинство, профессионализм и трагедию этих людей. Сделать их видимыми. Заставить читателя из среднего класса, чиновника, студента узнать в героях не абстрактных «синих воротничков», а своих сограждан, от которых зависит их собственная жизнь.

ПИР ШУТОВ.

Дымный воздух цеха был густ и знаком, как хлеб. Алексей Иванович, не включая яркого света, провел ладонью по станине станка. Холодный металл отозвался внутри него смут-

ным теплом. Он включил локальную лампу, и та выхватила из полумрака тиски, панель управления, блестящие ручки. Здесь, в этом пятне света, он был королем и богом. Его мир был миром точности до микрона, мира, где слово «нельзя» заменялось на «надо подумать». Он взял со стола заготовку – кусок нержавеющей стали, будущую деталь для спутникового модуля. Без нее – всё это металлолом, летящий в миллиардные трубы.

В дверь постучали. Вошел мастер с виноватым видом.

– Алексей Иваныч, к шефу. Срочно.

Директор завода «Вектор», Сидоров, сидел в своем кабинете под портретом не то основателя, не то нынешнего президента. Лицо его сияло.

– Алексей Иванович! Наш золотой фонд! – начал он пафосно. – Выпала нам честь высочайшая. Не меньше!

Оказалось, что некий «медийный артист первой величины», Марсель Воронов, построил себе хоромы, а в них лифт итальянский встал. Деталь уникальная, сломалась, ждать месяцы. А у «артиста» день рождения, пир на весь мир. Кто-то из спонсоров, «друзей завода», ляпнул, что у нас, на «Векторе», руки такие, что и иголку в стогу найдут. В общем, езжай, Алексей Иваныч, спасай престиж. Заказ срочный, гонорар личный, от него самого.

Алексей молча слушал, глядя в окно на заснеженные крыши заводских корпусов. Ему было пятьдесят пять. Он точил детали для ракет, которые летали к звездам. А теперь ему

приказывали ехать чинить лифт какому-то певцу. Унижение подкатило комком к горлу.

– У меня, Пётр Николаич, план...

– План подождет! – отрезал директор. – Это – стратегия. Пиар. Можешь представить? Нас заметили! В верхах!

Алексей представил. Представил лицо жены, когда он принесет деньги. Не жалкую зарплату, а настоящие деньги. На операцию внуку, которую они копили годами. Он кивнул.

– Хорошо. Поеду.

—

Дорога на электричке была похожа на путешествие в другой мир. Его мир кончался за проходной завода. Дальше были уродливые спальные районы, ржавые гаражи, грязный снег. Потом – дачи, уже побогаче. А потом его встретила черная, лакированно блестящая иномарка с тонированными стеклами.

– Садитесь, Алексей Иванович, вас ждут, – сказал водитель в форме, глядя на него с лёгким любопытством.

Они ехали через лес, где сосны стояли как на параде, а потом за высоким забором открылась та самая «вилла». Дом был похож на замок из плохого исторического фильма – башенки, витражи, позолота на фонарях. Воздух пах не выхлопами и зимней свежестью, а каким-то сладким, дорогим парфюмом.

Его провели не в дом, а в пристройку к гаражу, где уже стоял его верный станок, бережно доставленный с завода.

Рядом лежала сломанная деталь от лифта – сложная, капризная фигурная штукovina. Алексей снял рабочий пиджак, надел халат. Включил станок. Знакомый гул успокоил нервы. Он начал работу.

Через час в его убежище ворвался шум. Распахнулась дверь, и в помещение, словно порыв ветра, влетела ватага ярко одетых людей. В центре был он – Марсель. Худой, ухоженный, в шелковой пижаме, хотя на дворе был день. Его глаза блестели веселым возбуждением.

– Ну что, мастер? – громко, на весь гараж, крикнул он. – Воскрешаешь железяку? Респект! Ребята, смотрите, это же настоящий аутентичный пролетарий! Прямо как в музее!

Толпа захихикала. Кто-то достал телефон, чтобы снять. Алексей не отрывался от станка, только пальцы его, держащие резец, побелели от напряжения.

– Я не мешаю? – с наигранной заботой спросил Марсель, подходя ближе. – А то давай я отвернусь, а то ты, наверное, секреты свои боишься показать?

Алексей выпрямился. Выключил станок. Внезапно наступившая тишина оглушила. Он медленно повернулся к «артисту». Он смотрел на него не с ненавистью, а с бесконечной, копившейся годами усталостью.

– Нет, – тихо, но очень четко сказал Алексей. – Секретов нет. А мешаешь. Как и всегда мешали.

Марсель опешил. Усмешка сползла с его лица.

– Чего? – выдавил он.

– В древности, сынок, – голос Алексея зазвучал металлом, – таких как я, звали мастеравыми. А таких как ты – шу-тами.

Наступила мертвая тишина. Слышно было, как за окном щебечет какая-то птица.

–Мастеровой кормил и одевал царя, – продолжал Алексей, глядя прямо в камеру телефона. – А шут его только развлекал. Без шута скучно. Без мастерового – голодно и холодно. И самое главное... – он сделал паузу, давая словам улечься, – царь это всегда понимал. А вот нынешние цари, видно, забыли.

Он повернулся, снова включил станок. Гул заполнил пространство, вытесняя неловкость. Марсель, багровея, что-то прошипел и, развернувшись, вытолкнул свою свиту из гаража. Шоу было испорчено.

Алексей закончил работу к вечеру. Деталь блестела, как зеркало. Он отнес ее в дом, где уже гремела музыка и слышался взрывной смех. В огромной гостиной, похожей на ночной клуб, Марсель, уже одетый в дизайнерский костюм, принимал гостей. Увидев Алексея, он фривольно махнул рукой продюсеру. Тот достал толстый белый конверт.

– От Марселя. Твоя работа стоит того, – сказал продюсер, сунув конверт Алексею в руки.

Алексей взял. Не взвешивал на вид, не пересчитывал. Просто сунул в глубокий карман халата.

–Скажи ему, – тихо сказал он продюсеру, – что лифт ис-

правен. Может ехать. Вверх.

Он вышел на холодный воздух. Шофер снова повез его к воротам. На выезде, у шлагбаума, он увидел огромный рекламный щит. На нем улыбался сам Марсель. А внизу, мелким шрифтом, была надпись: «Лицо Всероссийского форума «Труд. Квалификация. Будущее»».

Алексей фыркнул и закрыл глаза.

Дома его ждала жена, Валентина. Он молча отдал ей конверт. Она раскрыла его, ахнула.

–Леша... Это же... На операцию... И еще останется!

Он только кивнул, снял грязную одежду и пошел мыть руки. С мылом, под струей горячей воды, счищая с пальцев въевшуюся заводскую грязь и стружку. Он смотрел, как черные потоки сбегают в слив, и думал.

Он вышел на кухню. Валентина уже поставила на стол простой ужин. Картошка, котлета. Он сел. Включил телевизор. Шла развлекательная программа. Ведущий, блестя зубами, объявлял:

–А вот и наш гость – кумир миллионов, человек-эпоха, великий артист Марсель! Встречайте!

На экране появился он. Улыбающийся, сияющий. Рассказывал о своей новой песне, о творческих муках, о любви к поклонникам. Ни слова о лифте. Ни слова о старом токаре в гараже.

Алексей взял вилку. Посмотрел на экран. На это самодовольное, пустое лицо. На этого «шута», которого страна по-

читала за героя.

И вдруг он понял. Понял самую страшную вещь. Проблема была не в Марселе. Марсель был лишь симптомом. Проблема была в них. Во всех, кто молчал. Кто позволял. Кто, стиснув зубы, чинил лифты в их золотых клетках, чтобы им было удобнее подниматься на свой пир во время чумы.

Он доел котлету. Выключил телевизор. В тишине кухни было слышно, как за стеной плачет внук.

Валентина спросила:

–Ну как там, у этого... певца? Красиво?

Алексей посмотрел на свои руки. Руки, которые могли создать всё что угодно. И которые были нужны только для того, чтобы обслуживать чье-то тщеславие.

– Да, – тихо ответил он. – Очень красиво. Прямо как в сказке.

Он встал, подошел к окну. За ним был его город. Его страна. Страна, где шуты стали царями, а мастеровые – прислугой. И он знал, что завтра утром он снова пойдет на завод. Будет точить свои детали. Потому что другого дела он не знал. И потому что кто-то же должен держать на своих плечах этот мир, пока другие на нем пируют.

Но в его молчании, в его смиренном возвращении к станку, была страшная, невысказанная угроза. Угроза того дня, когда мастеровые устанут. И тогда пир шутов закончится. Навсегда.

ПОСЛЕДНИЙ УРОК.

Село Высокое было похоже на угасающую свечу. От былого колхозного величия остались щербатый асфальт, покосившиеся заборы да ржавые корпуса ферм. И школа. Двухэтажная, кирпичная, когда-то белёная, а теперь серая, как осеннее небо. В её стенах теплилась жизнь.

Марья Ивановна стояла у окна в учительской и смотрела на пустынную улицу. За её спиной висел портрет Толстого, по углам лежали стопки тетрадей, пахло мелом и старыми книгами. Ей было пятьдесят три, но в этом кабинете, с этими книгами, она чувствовала себя ровесницей и Толстому, и этим стенам. Она была учителем. Последним учителем русского языка и литературы в Высокой школе.

Дверь со скрипом открылась. Вошел директор, Виктор Степанович, бывший учитель труда, а ныне – главный по закрытию. Лицо его было похоже на помятый лист бумаги.

– Марья Ивановна, готовы? – спросил он, избегая её взгляда. – Комиссия из районо будет через час. Сергей Петрович Лисицын лично.

Марья Ивановна кивнула, не оборачиваясь. Лисицын. Тот самый, который три года назад на совещании сказал: «Неэффективные малокомплектные школы – пережиток аграрной эпохи». Для него Высокое было строчкой в отчёте. Для неё – вселенной.

– Они хотят посмотреть... последний урок, – с трудом выдавил директор. – Формальность, конечно. Решение уже

принято. Детей повезут в райцентр. Интернет.

«Интернат», – мысленно повторила Марья Ивановна. Это слово звучало для неё как «казённый дом». Сиротство при живых родителях.

– Я готова, – тихо сказала она.

Через час в кабинет вошли они. Сергей Петрович Лисицын, упитанный, в дорогом костюме, от которого пахло дорогим парфюмом. С ним – две молодые девушки из аппарата, с планшетами в руках. Они сели на последнюю парту, отряхнулись. Их присутствие казалось инородным телом в уютном, обжитом пространстве класса.

Перед Марьей Ивановной сидели семеро её учеников. От второклашки Кати до девятиклассника Витьки. Все, кто остался. Их глаза были полны тревоги. Они всё понимали.

– Здравствуйте, дети, – начала она, и голос её, обычно тихий, прозвучал на удивление твёрдо. – Сегодня у нас необычный урок. Мы поговорим не о спряжениях и не о причастиях. Мы поговорим о чести.

Лисицын на последней парте еле слышно вздохнул и украдкой взглянул на часы. У него, Марья Ивановна знала, сегодня был банкет по случаю какого-то юбилея управления.

– Что такое честь? – спросила она, обводя взглядом детей. – Витька, как ты думаешь?

Витька, долговязый парень, будущий тракторист, а пока – главный защитник малышей в школе, смущённо потупился.

– Ну... это когда не подводишь. Держишь слово.

– Верно, – кивнула Марья Ивановна. – А ещё, честь – это память. Память о том, кто ты и откуда. Ваша честь, дети, – в том, что вы – последние дети села Высокого. Вы – его голос. Его память.

Одна из девушек с планшетом что-то быстро застучала по клавиатуре. Лисицын смотрел в окно, где начинал накрапывать дождь.

– Ваша родина, – продолжала учительница, и голос её звучал пронзительно-ясно, – не в Москве, где снимают сериалы и дают премии. Не в том райцентре, куда вас повезут. Ваша родина – вот здесь. Эти поля. Эта речка. Эти стены. И если вы её покинете, если вы забудете её – её не станет. Окончательно.

Она подошла к карте России, висящей на стене. Карта была старой, ещё советской. Она ткнула пальцем в крошечную, почти невидную точку.

– Вот оно, Высокое. Его нет в новых атласах. Его почти нет в интернете. Но оно есть, пока о нём помнят. Пока вы помните.

В классе стояла абсолютная тишина. Даже Лисицын перестал смотреть на часы. Он смотрел на эту женщину, на её простенькое платье и седые волосы, и что-то в его сытом, спокойном мире пошатнулось.

– Быть честным – значит не предавать. Не предавать свою землю. Своих родителей. Свою совесть, – говорила Марья Ивановна, и слёзы медленно текли по её лицу, но она не об-

ращала на них внимания. – Вас будут уговаривать, что там, в городе, лучше. Что здесь – глушь, что здесь нет перспектив. Не верьте. Перспектива – это не там, где много денег. Перспектива – это там, где тебя ждут. А вас здесь ждут. Эти поля ждут ваших рук. Эта школа... – голос её дрогнул, – эта школа ждала ваших детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.